должностных лиц и может запретить политическую партию, деятельность которой направлена против демократического конституционного строя.

Важнейшим инструментом защиты прав является конституционная жалоба (Verfassungsbeschwerde), позволяющая любому лицу после исчерпания обычных средств судебной защиты обратиться в Конституционный суд, если оно считает, что государственные органы нарушили его основные права [15]. Ежегодно поступают тысячи таких жалоб, однако к рассмотрению принимается лишь небольшая их часть. Большинство из них отклоняется без рассмотрения по существу (принимается к производству менее 3% жалоб), однако даже оставшаяся доля приводит к вынесению сотен постановлений суда ежегодно. По нагрузке немецкий Конституционный суд значительно превосходит, например, Верховный суд США [24].

Практика Федерального конституционного суда сыграла значительную роль в развитии защиты прав в Германии. В решении по делу Lüth суд сформулировал доктрину «объективного ценностного содержания» основных прав, признав их влияние на весь правопорядок [6]. В дальнейшем была сформирована обширная судебная практика, укрепившая стандарты защиты человеческого достоинства, личной свободы, равенства и свободы выражения мнения.

Так, в ряде случаев суд отменял положения законов, ограничивавшие основные права, что вызывало обвинения в судебном активизме и чрезмерном вмешательстве суда в сферу политических решений, особенно при рассмотрении политически чувствительных вопросов [34, с. 42]. Тем не менее высокий авторитет суда обеспечил ему центральное место в системе сдержек и противовесов, и сегодня он считается одним из наиболее эффективных институтов конституционного контроля.

Соединенные Штаты стали первой страной, где судебная власть получила полномочие объявлять недействительными акты, противоречащие Конституции. Хотя Конституция США прямо не закрепляет судебный контроль, он был установлен решением Верховного суда по делу *Marbury v. Madison* (1803) под председательством Джона Маршалла [26]. Суд сформулировал принцип, согласно которому закон, противоречащий Конституции, является недействительным.

Решение в деле Marbury фактически заложило основу доктрины судебного конституционного надзора [19]. В первой половине XIX века Верховный суд использовал эту прерогативу крайне редко – после дела Marbury вплоть до Гражданской войны был отменён лишь один федеральный закон (в деле Dred Scott v. Sandford, 1857) [12]. Тем самым решение Маршалла сформировало прецедентную основу судебного конституционного контроля в США.

Американская модель является децентрализованной: функцию конституционного контроля осуществляют все суды общей юрисдикции, а окончательное слово принадлежит Верховному суду США [20].

Таким образом, конституционный контроль в США осуществляется в рамках рассмотрения конкретных судебных споров, инициированных сторонами процесса. Конституция не допускает вынесения судами абстрактных заключений, что значительно ограничивает круг конституционных вопросов, доходящих до Верховного суда. К тому же, Верховный суд сам устанавливает строгие критерии отбора дел к рассмотрению. В результате Верховный суд США рассматривает сравнительно немного дел – за год обычно выносится порядка 70–80 решений по существу, что неизмеримо меньше объёма работы Конституционного суда Германии [30].

Несмотря на ограниченное число дел, Верховный суд США оказал и продолжает оказывать колоссальное влияние на развитие прав и свобод, выступая в конечном счёте гарантом Билля о правах (первых десяти поправок к Конституции) и последующих конституционных поправок. Активность суда в разные исторические периоды заметно менялась [14]. Так, в XIX веке, кроме прецедента Marbury и крайне спорного решения Dred Scott, Верховный суд чаще поддерживал законодательную и исполнительную власть, лишь изредка признавая их акты неконституционными. Например, с 1789 по 1864 гг. Верховный суд отменил лишь два федеральных закона [33]. Однако в XX веке, особенно после 1940-х годов, Суд значительно расширил применение судебного контроля для защиты прав. С началом эпохи председателя Эрла Уоррена (1953–1969) наблюдается всплеск судебного активизма в области гражданских прав: решения Brown v. Board of Education (1954, запрет сегрегации в школах) и ряд последующих вердиктов отменили законодательные основания расовой дискриминации, укрепили гарантии надлежащей правовой процедуры, свободы слова, прав обвиняемых и т.п.

Только с 1953 по 1998 год Верховным судом были признаны неконституционными 76 федеральных законов США. За те же послевоенные десятилетия Суд отменил также свыше 370 законов штатов как противоречащих Конституции [35]. На наш взгляд, такая статистика свидетельствует о возросшей роли судебной власти в контроле над законодателем.

Верховный суд США традиционно рассматривается как верховный гарант индивидуальных прав, закреплённых Конституцией, хотя его решения не всегда были последовательно либеральными или консервативными и во многом зависели от состава суда и господствующей юридической доктрины. В период «Уорреновского суда» (1950–60-е годы) были заложены основы современной доктрины прав человека. Суд ликвидировал правовые основания расовой сегрегации, расширил применение положения о «равной защите законов» (14-я поправка), укрепил принцип «один человек – один голос» в избирательном праве и признал недопустимыми молитвы в государственных школах (дело *Engel v. Vitale*, 1962) как нарушение свободы совести. Затем в 1970-е годы под председательством Уоррена Бёргера было принято решение *Roe v. Wade* (1973), признавшее право женщины на прерывание беременности частью права на приватность. В дальнейшем позиция Суда изменялась: в деле *Planned Parenthood v. Casey* (1992) доктрина была частично скорректирована, а в 2022 г. решение *Roe* было отменено в деле *Dobbs v. Jackson* [32].

Тем не менее, в конечном счёте именно Верховный суд принимает окончательное решение по спорным вопросам, связанным с конституционными правами. Благодаря принципу прецедента, его интерпретации Билля о правах обязательны для всех судов и фактически определяют стандарты соблюдения прав человека на всей территории США. Например, решения Суда о недопустимости смертной казни для умственно отсталых (2002, Atkins v. Virginia) и несовершеннолетних преступников (2005, Roper v. Simmons) существенно сузили применение высшей меры наказания [4; 28]. Хотя федерального запрета смертной казни нет (и некоторые штаты её сохраняют), судебная власть тем самым формирует единые конституционные ограничения для всех штатов [9, с. 639]. Подобным же образом судебные вердикты устанавливали стандарты свободы слова, свободы религии, права на справедливое судебное разбирательство (требуя назначения адвоката малоимущим подсудимым – дело Gideon v. Wainwright, 1963, и пр.). Во многих таких случаях именно Суд брал на себя роль защитника меньшинств или политически уязвимых групп, чьи права не всегда эффективно обеспечивались через избирательный процесс.

Американская модель конституционного контроля предъявляет высокие требования к независимости и авторитету судебной власти. Судьи федеральных судов, в том числе Верховного суда, назначаются президентом с согласия Сената и имеют пожизненный срок полномочий, что позволяет им принимать решения, не оглядываясь на политическую конъюнктуру. С одной стороны, это гарантирует институту значительную самостоятельность, но с другой – делает процесс назначения судей предметом политической борьбы, так как каждый новый судья может повлиять на вектор судебной практики на десятилетия вперёд. Тем не менее, в общественном сознании США Верховный суд традиционно признаётся хранителем конституции: его слово может отменить акт Конгресса или штата, если тот нарушает права, закреплённые в Основном Законе. Как отмечают исследователи, судейский корпус, несмотря на все споры, остаётся одним из главных достижений американской правовой системы в деле защиты прав граждан [3, с. 221].

Французская модель долгое время отличалась от американской и германской. После Французской революции утвердилась идея парламентского суверенитета и запрет судам вмешиваться в законодательный процесс (Loi des 16–24 août 1790). Поэтому до середины XX века судебного контроля конституционности законов во Франции не существовало. Административные суды (Совет Государства) могли отменять нормативные акты правительства, противоречащие законам или общим принципам права, но сами законы Парламента считались выражением высшей воли нации и не подлежали оспариванию в судах [27].

Лишь Конституция Пятой Республики 1958 года создала орган конституционного надзора – Конституционный совет (Conseil constitutionnel). Первоначально он задумывался как политико-юридический орган, контролирующий соблюдение парламентом границ законодательной компетенции и предотвращающий злоупотребления парламентского суверенитета [11]. Совет не являлся судом в строгом смысле и не входил ни в судебную, ни в административную иерархию [17]. Его первоначальная компетенция охватывала: обязательную проверку конституционности органических законов и регламентов палат парламента; а также факультативную предварительную проверку обычных законов до их промульгации – по запросу Президента, Премьер-министра или председателя одной из палат парламента (с 1958 г.), а с 1974 года – и по запросу 60 депутатов или 60 сенаторов [29]. Граждане не имели доступа в Конституционный совет, а проверка законов происходила только до их вступления в силу, что резко отличало французскую систему от германской, и тем более от американской.

Поворотным моментом стало решение № 71-44 DC (1971) по делу о свободе ассоциаций. Совет признал преамбулу Конституции и Декларацию прав человека 1789 г. источниками конституционных прав, тем самым превратившись из органа институционального контроля в гаранта фундаментальных свобод [31]. В последующие десятилетия эта функция закрепилась. В 1970–80-е годы Совет все чаще по инициативе парламентской оппозиции проверял законы на предмет соблюдения личных и гражданских прав (после конституционной реформы 1974 г. оппозиционные 60 депутатов или сенаторов регулярно направляли важнейшие законы на проверку) [5]. В результате к 1990-м годам Конституционный совет Франции выработал обширный корпус прецедентов, защищающих свободу коммуникаций, право собственности, принцип равенства, социальные права и т.д., опираясь на Декларацию 1789 г. и другие тексты, упомянутые в преамбуле конституции.

Тем не менее, вплоть до недавнего времени граждане напрямую не могли оспаривать действующие законы во Франции. Это отличало Францию от Германии и России, где институт индивидуальной конституционной жалобы функционировал. Конституционная реформа 2008 года ввела процедуру «приоритетного вопроса о конституционности» (QPC), позволяющую сторонам судебного процесса оспаривать конституционность применимого закона. После предварительной фильтрации высшими судами вопрос может быть передан в Конституционный совет, который вправе признать закон неконституционным с общеобязательными последствиями [10; 25]. Фактически, Франция приблизилась к моделям конституционной жалобы, существующим в Германии и ряде других стран, однако высшие суды по-прежнему играют существенную роль в отборе дел, передаваемых в Конституционный совет.

Конституционный совет Франции по своей природе остается несколько отличным от классического конституционного суда. Он не является частью судебной системы. Конституционный совет состоит из девяти членов, назначаемых на девятилетний срок Президентом Республики, председателями Национального собрания и Сената. В его состав также могут входить бывшие президенты республики. Статус членов Совета ближе скорее к статусу «сенаторов по назначению», чем к судейскому корпусу: среди них нередко политические деятели, отставные министры, парламентарии. В своей деятельности при рассмотрении дел Совет действует как коллегиальный судебный орган – проводит разбирательство, заслушивает доводы сторон, и выносит решения, имеющие обязательную силу для всех органов власти [16].

Компетенция Совета до реформы 2008 г. значительно отличалась. Предварительный контроль позволял предотвращать введение в действие неконституционных норм. Так, Совет заблокировал целый ряд законопроектов, вызывавших сомнения с точки зрения прав человека (например, законы о расширении полицейских полномочий, о средствах слежения, об иммиграции и др.). Однако серьезным ограничением было то, что пропущенный на стадии промульгации закон уже не мог быть оспорен. После введения процедуры QPC Конституционный совет ежегодно рассматривает десятки дел, отменяя нормы, нарушающие право на частную жизнь, свободу коммуникаций и принцип равенства. В современной системе защиты прав во Франции важную роль также играют суды общей юрисдикции и административные суды, применяющие нормы международного и европейского права. В современных условиях французская модель во многом сближается с другими демократическими системами защиты прав, сохраняя при этом свои институциональные и исторические особенности.

Итак, сопоставление германской, американской и французской моделей показывает, что при различии институциональных форм конституционный контроль выполняет общую функцию – обеспечение верховенства конституции и защиту основных прав. Эффективность этого института в значительной степени определяется доступностью механизмов обращения и обязательной силой решений органов конституционного контроля.

Литература

1. Касаткина Н. М. Конституционный контроль в зарубежных государствах: тенденции развития // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2012. № 5. С. 13-20.

2. Садурский В. Конституционный контроль в Европе и США: влияние, парадоксы и сближение // СКО. 2013. № 4 (95). С. 49-67.

3. Amar A. R. America's Constitution: A Biography. New York: Random House, 2005. 672 p.

4. Atkins v. Virginia, 536 U.S. 304 (2002) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/536/304 (дата обращения: 29.01.2026).

5. Bell J. French Constitutional Law. Oxford: Clarendon Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/5675 (дата обращения: 29.01.2026).

6. Bundesverfassungsgericht. Urteil des Ersten Senats vom 15.01.1958 – 1 BvR 400/51 (Lüth) // Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (дата обращения: 29.01.2026).

7. Bundesverfassungsgerichtsgesetz (BVerfGG) vom 12. März 1951 // Bundesgesetzblatt. 1951. Teil I. S. 243-254.

8. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. 6th ed. St. Paul: West Academic Publishing, 2011. 993 p.

9. Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. 6th ed. New York: Wolters Kluwer, 2019. 1439 p.

10. Conseil constitutionnel. Décision n° 2010-39 QPC du 6 octobre 2010 // Conseil constitutionnel [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2010/201039QPC.htm (дата обращения: 29.01.2026).

11. de Gaulle Ch. Discours et messages. Vol. 3. Paris: Plon, 1970 // Gallica, Bibliothèque nationale de France [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3333914z (дата обращения: 29.01.2026).

12. Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1857) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/60/393 (дата обращения: 29.01.2026).

13. Encyclopaedia Britannica. Federal Constitutional Court of Germany // Encyclopaedia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com (дата обращения: 29.01.2026).

14. Epstein L., Walker T. G. Constitutional Law for a Changing America: Rights, Liberties, and Justice. 10th ed. Thousand Oaks: CQ Press, 2017. 792 p.

15. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Administrative assistance work of the German Federal Constitutional Court (CDL-JU(2004)026). Strasbourg, 2004. P. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU%282004%29026-e (дата обращения: 29.01.2026).

16. Favoreu L. Le Conseil constitutionnel. 6e éd. Paris: Dalloz, 2014 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/le-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).

17. Favoreu L., Philip L. Les grandes décisions du Conseil constitutionnel. 18e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/les-grandes-decisions-du-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).

18. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Teil I. P. 1-20.

19. Hamilton A. The Federalist № 78 // The Avalon Project, Yale Law School, Lillian Goldman Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed78.asp (дата обращения: 29.01.2026).

20. Hutto v. Davis, 454 U.S. 370 (1982) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/454/370 (дата обращения: 29.01.2026).

21. Ipsen J. Staatsrecht II. Grundrechte. 21. Aufl. München: C. H. Beck, 2018. 300 p.

22. Kelsen H. Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution // Journal of Politics. 1942. Vol. 4. № 2. P. 183-200.

23. Kommers D. P., Miller R. A. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 3rd ed. Durham: Duke University Press, 2012. 904 p.

24. Leclercq S., Zimmermann F. W. BVerfG-Jahresstatistik 2021: Nur 1,23 % haben Erfolg // Legal Tribune Online. 23.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lto.de/recht/justiz/j/bverfg-2021-begruendungen-nichtannahmen-jahrestatistik-2021 (дата обращения: 29.01.2026).

25. Loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019237256 (дата обращения: 29.01.2026).

26. Marbury v. Madison, 5 U.S. 137 (1803) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/5/137 (дата обращения: 29.01.2026).

27. Rivero J., Waline J. Droit administratif. 22e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/droit-administratif (дата обращения: 29.01.2026).

28. Roper v. Simmons, 543 U.S. 551 (2005) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/543/551 (дата обращения: 29.01.2026).

29. Rousseau D. Droit du contentieux constitutionnel. 11e éd. Paris: LGDJ, 2016 // LGDJ [Электронный ресурс]. URL: https://www.lgdj.fr/droit-du-contentieux-constitutionnel-9782275046862.html (дата обращения: 29.01.2026).

30. Rules of the Supreme Court of the United States. Effective January 1, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/ctrules/2023RulesoftheCourt.pdf (дата обращения: 29.01.2026).

31. Stone A. The Birth of Judicial Politics in France. Oxford: Oxford University Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/3499 (дата обращения: 29.01.2026).

32. Sunstein C. R. Radicals in Robes: Why Extreme Right-Wing Courts Are Wrong for America. New York: Basic Books, 2005. 304 p.

33. Thomas J. R., Wirthlin J. S. Supreme Court Decisions Overruling Acts of Congress. Congressional Research Service Report RL30864. Washington, D.C., 2014. 54 p.

34. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 208 p.

35. Whittington K. E. Judicial Review of Congress before the New Deal // Georgetown Law Journal. 2008. Vol. 97. P. 1257-1325.

The evolution and contemporary significance of constitutional review in the system of protection of rights and freedoms

Somov D.S.
Volgograd state university

This article presents a comparative legal analysis of the German, American, and French models of constitutional review, examining their roles within the

system of protection of human rights and freedoms. The study considers the institutional features of the respective bodies of constitutional justice, the mechanisms of access to them, and the legal consequences of their decisions. Particular attention is given to differences in the methods and timing of constitutional review of normative acts, procedural filters for bringing cases, and the scope of the binding effect of decisions. Based on a comparison of the practice of the Federal Constitutional Court of Germany, the Supreme Court of the United States, and the Constitutional Council of France, the article traces the evolution of the rights-protecting function of constitutional review and its significance within the system of checks and balances. It concludes that the effectiveness of this institution is determined by the combination of procedural mechanisms of access to justice and substantive legal guarantees for the protection of fundamental rights.

Keywords: constitutional review, constitutional justice, US Supreme Court, constitutional complaint, judicial precedent, abstract and concrete normative review, judicial activism.

References

1. Kasatkina N. M. Konstitutsionnyi kontrol' v zarubezhnykh gosudarstvakh: tendentsii razvitiya // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2012. № 5. S. 13-20.
2. Sadurskii V. Konstitutsionnyi kontrol' v Evrope i SShA: vliyanie, paradoksy i sblizhenie // SKO. 2013. № 4 (95). S. 49-67.
3. Amar A. R. America's Constitution: A Biography. New York: Random House, 2005. 672 p.
4. Atkins v. Virginia, 536 U.S. 304 (2002) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/536/304 (дата обращения: 29.01.2026).
5. Bell J. French Constitutional Law. Oxford: Clarendon Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/5675 (дата обращения: 29.01.2026).
6. Bundesverfassungsgericht. Urteil des Ersten Senats vom 15.01.1958 – 1 BvR 400/51 (Lüth) // Bundesverfassungsgericht [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Entscheidungen/DE/1958/01/rs19580115_1bvr040051.html (дата обращения: 29.01.2026).
7. Bundesverfassungsgerichtsgesetz (BVerfGG) vom 12. März 1951 // Bundesgesetzblatt. 1951. Teil I. S. 243-254.
8. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. 6th ed. St. Paul: West Academic Publishing, 2011. 993 p.
9. Chemerinsky E. Constitutional Law: Principles and Policies. 6th ed. New York: Wolters Kluwer, 2019. 1439 p.
10. Conseil constitutionnel. Décision n° 2010-39 QPC du 6 octobre 2010 // Conseil constitutionnel [Электронный ресурс]. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/decision/2010/201039QPC.htm (дата обращения: 29.01.2026).
11. de Gaulle Ch. Discours et messages. Vol. 3. Paris: Plon, 1970 // Gallica, Bibliothèque nationale de France [Электронный ресурс]. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k3333914z (дата обращения: 29.01.2026).
12. Dred Scott v. Sandford, 60 U.S. 393 (1857) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/60/393 (дата обращения: 29.01.2026).
13. Encyclopaedia Britannica. Federal Constitutional Court of Germany // Encyclopaedia Britannica Online [Электронный ресурс]. URL: https://www.britannica.com (дата обращения: 29.01.2026).
14. Epstein L., Walker T. G. Constitutional Law for a Changing America: Rights, Liberties, and Justice. 10th ed. Thousand Oaks: CQ Press, 2017. 792 p.
15. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Administrative assistance work of the German Federal Constitutional Court (CDL-JU(2004)026). Strasbourg, 2004. P. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-JU%282004%29026-e (дата обращения: 29.01.2026).
16. Favoreu L. Le Conseil constitutionnel. 6e éd. Paris: Dalloz, 2014 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/le-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).
17. Favoreu L., Philip L. Les grandes décisions du Conseil constitutionnel. 18e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/les-grandes-decisions-du-conseil-constitutionnel (дата обращения: 29.01.2026).
18. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. Teil I. P. 1-20.
19. Hamilton A. The Federalist № 78 // The Avalon Project, Yale Law School, Lillian Goldman Law Library [Электронный ресурс]. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_century/fed78.asp (дата обращения: 29.01.2026).
20. Hutto v. Davis, 454 U.S. 370 (1982) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/454/370 (дата обращения: 29.01.2026).
21. Ipsen J. Staatsrecht II. Grundrechte. 21. Aufl. München: C. H. Beck, 2018. 300 p.
22. Kelsen H. Judicial Review of Legislation: A Comparative Study of the Austrian and the American Constitution // Journal of Politics. 1942. Vol. 4. № 2. P. 183-200.
23. Kommers D. P., Miller R. A. The Constitutional Jurisprudence of the Federal Republic of Germany. 3rd ed. Durham: Duke University Press, 2012. 904 p.
24. Leclercq S., Zimmermann F. W. BVerfG-Jahresstatistik 2021: Nur 1,23 % haben Erfolg // Legal Tribune Online. 23.02.2022 [Электронный ресурс]. URL: https://www.lto.de/recht/justiz/j/bverfg-2021-begruendungen-nichtannahmen-jahrestatistik-2021 (дата обращения: 29.01.2026).
25. Loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République // Légifrance [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000019237256 (дата обращения: 29.01.2026).
26. Marbury v. Madison, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803) // Supreme Court of the United States. United States Reports. Vol. 5. Washington, D.C.: U.S. Government Publishing Office, 1803. [Электронный ресурс]. URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/5/137/ (дата обращения: 29.01.2026).
27. Rivero J., Waline J. Droit administratif. 22e éd. Paris: Dalloz, 2019 // Dalloz Bibliothèque [Электронный ресурс]. URL: https://www.dalloz-bibliotheque.fr/ouvrage/droit-administratif (дата обращения: 29.01.2026).
28. Roper v. Simmons, 543 U.S. 551 (2005) // Legal Information Institute, Cornell Law School [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/543/551 (дата обращения: 29.01.2026).
29. Rousseau D. Droit du contentieux constitutionnel. 11e éd. Paris: LGDJ, 2016 // LGDJ [Электронный ресурс]. URL: https://www.lgdj.fr/droit-du-contentieux-constitutionnel-9782275046862.html (дата обращения: 29.01.2026).
30. Rules of the Supreme Court of the United States. Effective January 1, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.supremecourt.gov/ctrules/2023RulesoftheCourt.pdf (дата обращения: 29.01.2026).
31. Stone A. The Birth of Judicial Politics in France. Oxford: Oxford University Press, 1992 // Oxford Academic [Электронный ресурс]. URL: https://academic.oup.com/book/3499 (дата обращения: 29.01.2026).
32. Sunstein C. R. Radicals in Robes: Why Extreme Right-Wing Courts Are Wrong for America. New York: Basic Books, 2005. 304 p.
33. Thomas J. R., Wirthlin J. S. Supreme Court Decisions Overruling Acts of Congress. Congressional Research Service Report RL30864. Washington, D.C., 2014. 54 p.
34. Vanberg G. The Politics of Constitutional Review in Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 208 p.
35. Whittington K. E. Judicial Review of Congress before the New Deal // Georgetown Law Journal. 2008. Vol. 97. P. 1257-1325.

Трансформация правового статуса муниципальных образований в условиях централизации власти: российский и африканский векторы

Туболев Сергей Максимович
независимый исследователь, sergeytubolev1998@mail.ru

Глобальные макроэкономические вызовы и дефицит управленческих ресурсов закономерно провоцируют пересмотр классических моделей территориального администрирования. По сути, сегодня наблюдается отчетливый «ренессанс» централизаторских тенденций, когда государства ради бюджетной экономии и повышения управляемости форсированно встраивают муниципалитеты в жесткую государственную вертикаль. Примечательно, что данный процесс одинаково рельефно проявляется как в рамках российской концепции единой системы публичной власти (включая переход к одноуровневой муниципальной модели), так и в транзитных правовых системах Африканского континента. Вместе с тем, фундаментальное научное противоречие кроется в явном диссонансе между сохраняющимися конституционными декларациями о широкой локальной автономии и суровой эмпирической реальностью, где местные органы тотально зависимы от межбюджетных трансфертов, надзорных инстанций. Стремясь разрешить указанную коллизию, автор ставит перед собой цель провести комплексный компаративный анализ трансформации правового статуса муниципалитетов на фоне усиливающейся государственной централизации, сопоставив отечественный вектор реформ с административным опытом африканских стран. Обосновывается вывод о том, что институциональное поглощение низового уровня управления является объективной защитной реакцией государства на нехватку финансовых средств на местах. Впрочем, директивная централизация без создания компенсирующих правовых механизмов неизбежно ведет к стагнации гражданских инициатив, росту социальной дистанции. Специфика авторского вклада заключается в преодолении традиционной европоцентричности отечественной правовой компаративистики путем привлечения малоизученного опыта стран Глобального Юга. Изложенный материал будет полезен исследователям в области конституционного права, теоретикам государственного управления, практикующим нормотворцам и аналитикам, которые проектируют современные модели пространственного развития территорий.

Ключевые слова: африканский вектор, единая система публичной власти, местное самоуправление, муниципальное право, одноуровневая система, правовой статус, сравнительное правоведение, транзитные экономики, централизация власти

Введение

В современном публичном праве все заметнее проявляется тенденция к пересмотру места муниципальных образований в системе территориального управления. По существу, местное самоуправление, которое привычно рассматривалось как самостоятельная форма публичной самоорганизации населения, в течение последних лет все чаще включается в более жесткие механизмы государственной координации. Это обусловлено как политико-административными причинами, так и финансовыми ограничениями, ростом объема передаваемых полномочий, необходимостью выстраивания более управляемой модели принятия решений.

Для российской правовой системы описываемая проблема приобрела особую значимость после конституционной реформы 2020 года, когда в нормативный оборот была введена категория единой системы публичной власти. Последующее развитие законодательства фактически закрепило курс на более тесную интеграцию муниципального уровня в общую вертикаль, включая возможность перехода к одноуровневой организации местного самоуправления.

В результате меняется не только организационная структура муниципальной власти, но и сам юридический смысл статуса: от относительно самостоятельного уровня к элементу координируемой государством системы.

Сравнительный анализ особенно продуктивен в сопоставлении российского опыта с африканскими государствами, где процессы децентрализации и централизации также развиваются противоречиво. Невзирая на провозглашение ценностей локальной демократии на уровне Африканского союза, в ряде стран данного материка местные органы остаются существенно зависимыми от центрального правительства в финансовом, кадровом отношении. Особенно показателен опыт Южно-Африканской Республики и Танзании. Так, в первом случае конституционно закреплена высокая автономия местного уровня, во втором преобладает административно-контрольная логика управления. Между тем, в обеих моделях центр сохраняет значительные рычаги влияния на муниципальные институты.

Материалы и методы

В современных источниках динамика правового статуса муниципальных образований в условиях централизации власти осмысляется через совокупность конституционно-правового, сравнительно-правового, историко-институционального подходов. Так, Н.В. Бровченко, С.В. Букалова, К.Г. Меркулова, Е.А. Василькова анализируют российскую муниципальную реформу как процесс перераспределения публичной власти. Авторы указывают на тенденцию к усилению централизации и изменению местного самоуправления из формы народовластия в механизм административной самоорганизации [2-4]. А.А. Петроградская и А.И. Соколова акцентируют внимание на территориально-правовых аспектах и адаптации муниципальных образований к новым реалиям госуправления [8, 9]. О.Л. Казанцева и М.Х. Ногайлиева рассматривают институциональные и процедурные особенности участия населения и функционирования органов местного само-